
МУРЗИЛКА
№ 4
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ МЛАДШИХ КЛАССОВ
АПРЕЛЬ 1954
1
Государственная ордена Ленина БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. ЛЕНИНА

РЕБЯТА С ГОРЬКОГО ЛИМАНА

АНДРЕЙ ШМАНКЕВИЧ

Рис. В. БОГАТКИНА

Целый час вертелся Пашка за камышовым плетнём Новосёловых. Но напрасно: дружок его Филя как сидел за столом, не поднимая головы от книги, так и продолжал сидеть. Даже переворачивая страницы, он ни разу не посмотрел в окно.

— Вот пень-то!.. Вот чурбан!..—злился Пашка.

Пашку первой заметила Филина мать. Она вышла и деловито спросила:

— Явился? Ну, заходи, заходи... Гостем будешь...

Быть «гостем» Пашке не особенно хотелось, но его застали врасплох, отступать было поздно.

— Ладно уж... Ступайте гулять. Но если опять придёте затемно, пеняйте на себя, — сказала Филина мама.

Пашка думал, что Филя после таких слов матери сразу вскочит и начнёт одеваться, но он даже не шевельнулся.

— Да ты что? Не слышал, что ли? Разрешила мать... — зашипел ему в самое ухо Пашка.

— Слышал... — протянул Филя. — Книжку жалко бросать. Про полярников...

Но Пашка больше не мог ждать. Он схватил книгу и захлопнул её.

— Полярники на льдине сидели... У них там этого льда хоть отбавляй, а на нашем лимане он бывает раз в год по обещанию...

Тут Пашка был совершенно прав: зимы не часто баловали ребят с Горького лима-

на крепкими морозами. Утром приморозит немного, а к обеду уже всё растает.

Филя был нужен Пашке дозарезу. У Фили были коньки, а у Пашки их не было. Они катались вдвоём на одной паре. Всякий знает, что на паре лучше кататься, но если есть всего только один конёк, то это тоже не плохо.

Всю дорогу Пашка покрикивал на Филю:

— Ты можешь итти побыстрее? Там ребята давно уже катаются, а он идёт, как на экзамены, еле ноги переставляет.

— Это сам ты так на экзамены ходишь...

Чтобы перебить болтовню Пашки, Филя принялся рассказывать про полярников.

— Они на льдине в палатке жили... Темно там было и днём и ночью... Только северное сияние... А мороз — сто градусов...

— О! Заврался-то... Сто градусов не бывает.

— Ну, пускай семьдесят пять. Хватит с тебя? Там, самое главное, храбрым надо быть. Туда специально только смелых выбирают...

Они вышли за посёлок и повернули к лиману, к тому месту, где начинался пролив, или «гирло». Через это гирло лиман соединялся с морем. Лиман был покрыт льдом, но гирло оставалось свободным: сильное течение не давало морозу сковать его. На льду уже катались поселковые ребята.

— Смотри-ка! У самого бережка катаются, — сказал Пашка, презрительно щурясь. — Дальше-то боятся!

— А ты что же, хотел, чтобы они по сыроводью катались? Тут, сам знаешь, какая глубина... — ответил Филя.

А когда они подошли к берегу и Филя посмотрел на лёд, то тут же заявил, что кататься не будет.

— Почему же это? — насторожился Пашка.

— Потому что лёд плохой... Это старые крыги смёрзлись. Станешь на какую-нибудь, а она треснет.

— Испугался, значит? Ну, говори, испугался? Эх, ты... Только что про полярников рассказывал, про то, что они храбрые, а сам... — не унимался Пашка. — Ну и сиди на своём берегу!

— Ну и посижу... У полярников-то лёд был потолще нашего. Во какой... — Филя поднял руку выше головы. — А у нас — в ладошку...

— Всё равно мне не страшно. Давай коньки!

Пашка проворно прикрутил верёвками коньки к сапогам и побежал на лёд.

— Эй, вы! Чего топчетесь у самого берега? Айда за мной на середину! — крикнул он ребятам.

Не очень-то весело сидеть одному на берегу, когда ребята выписывают на льду круги и восьмёрки. А тут ещё расходившийся Пашка стал дразнить Филю.

— Эй, полярник! Далеко ты уже уплыл на своей льдине? — кричал он.

— Какая у тебя теперь долгота-широта? — кричали ребята.

Филя сначала ухмылялся в ответ, а потом ему захотелось дать Пашке подзатыльника, чтобы он поменьше воображал. Подождав ещё немного, он поднялся и пошёл на лёд.

— Снимай коньки! — крикнул он Пашке. — Хватит.

— А ты догони, тогда и получишь, — ответил Пашка и припустил в сторону от Фили. Следом за ним побежали ребята.

— Догоняй, полярник, догоняй! — поддразнивали они, проносясь стайкой мимо Фили, следом за Пашкой.

Пашка так увлёкся, что подлетел к самой кромке льда. Он испугался, увидев перед собой открытую воду, резко затормозил и остановился. Но ребята так быстро остановиться не смогли, и кто-то сбил его с ног. Падая, Пашка пролетел ещё дальше к воде, и в это время лёд с треском лопнул. Все, кроме Фили, очутились на пловучей льдине. Кто-то из ребят охнул, кто-то заорал и кинулся к трещине, за ним бросились все остальные. Льдина накренилась, но все ребята успели перескочить на крепкий лёд. На льдине остался один Пашка. Он никак не мог подняться на ноги. А когда ему удалось это сделать, лёд под ним снова треснул, и он очутился в ледяной воде.

Сначала Филя оцепенел от страха, потом ноги сами по себе понесли его следом за ребятами к берегу.

— Фи-и-ля! Фи-и-и-ля! — услыхал он отчаянный крик Пашки.

Пашка барахтался в воде, ухватившись рукой за льдину, которую медленно относило в пролив, на чистую воду. С левой стороны трещина была такой широкой, что через неё нельзя уже было перепрыгнуть, но бережной лёд разошёлся совсем немного.

И Филя, ещё не зная, что с ним будет потом, бросился назад, к трещине, с разгону перемахнул её и упал на лёд. Не поднимаясь, он подполз к краю, схватил Пашку за руку и сильным рывком выхватил его из воды.

— Фи-и-и-ля! Фи-и-и-ля! — продолжал кричать Пашка. Лицо его посинело от страха и холода.

— Молчи! — в свою очередь, закричал Филя. — Ползи на середину! Слышишь? На середину ползи... А то оба скатимся в воду...

У Фили с перепугу, да и от холода — он тоже промок, вытаскивая Пашку,—что называется, зуб на зуб не попадал.

Пашка только всхлипывал и тоже стучал зубами. И не понять было — то ли слёзы слизывал он языком с губ, то ли капли горько-солёной лиманной воды.

Слегка покачиваясь, медленно кружась, льдина плыла всё дальше и дальше по гирлу в сторону моря.

Боясь шелохнуться, лежали ребята, тесно прижавшись, не глядя друг на друга, потому что тогда им становилось ещё страшнее.

— В море нас вы...носит... — шептал Пашка. — Что будем делать?..

— А я почём знаю! — зло огрызнулся Филя и вдруг рывком приподнялся на руках: он заметил на берегу людей. Несколько рыбаков торопливо стаскивали на воду большую лодку.

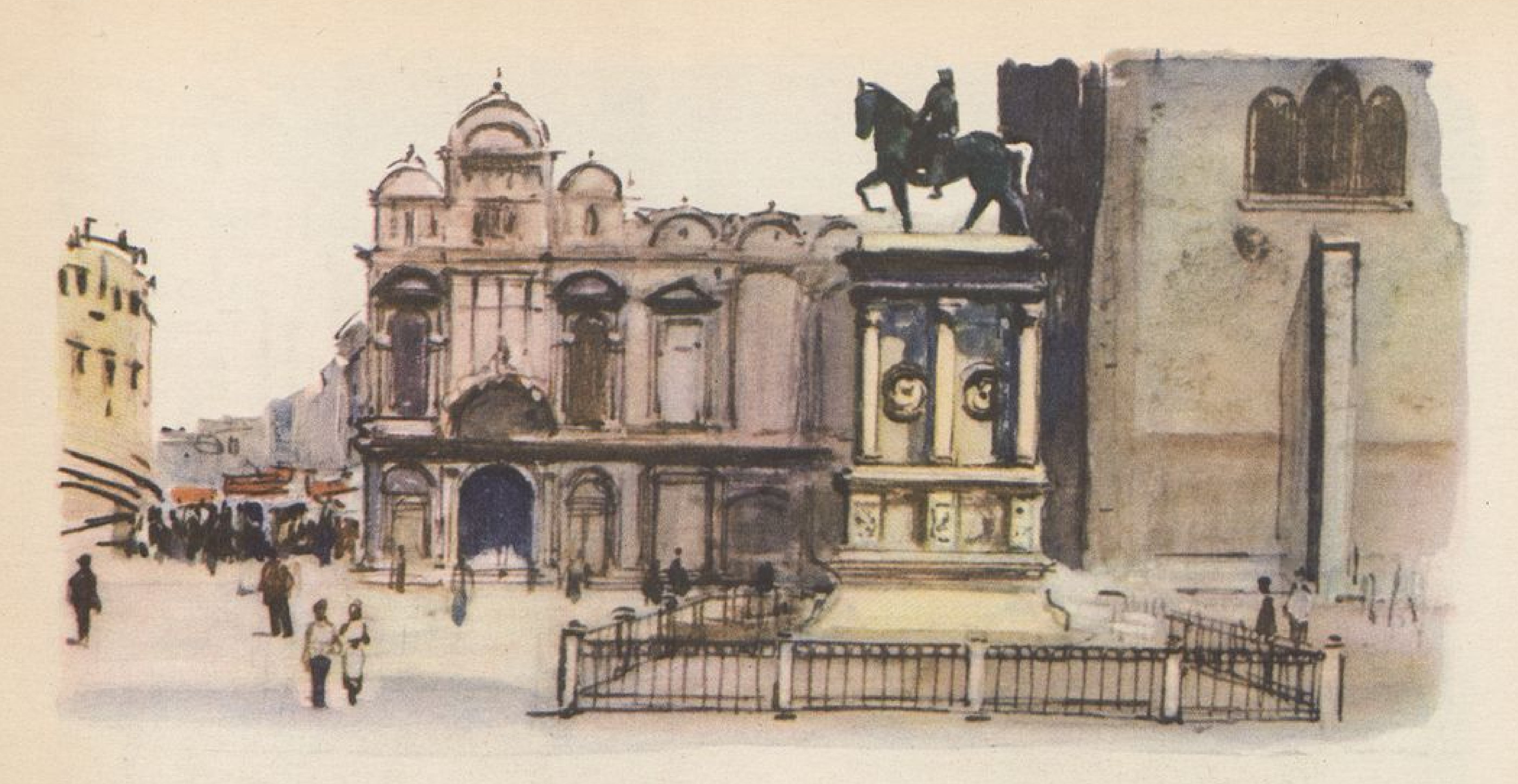
— Байда за нами идёт! — радостно крикнул Филя.

Пашка встрепенулся, тоже приподнялся на руках и посмотрел на берег.

— А-а-а-а-а! — закричал он.

— Чего же теперь кричишь-то? Идут же...— проворчал Филя. — Вот подожди, выйдем на берег, я тебе там сразу за всё покажу... И за полярника тоже... Чтобы знал, как дразниться...

— Ладно... — охотно согласился Пашка. — Можешь хоть сейчас стукнуть... И не пикну даже... и сдачи не будет...

Н. МЕДВЕДЕВА

Рис. А. ЕРМОЛАЕВА

ПОЕЗДКА В ВЕНЕЦИЮ

ГОРОД НА ВОДЕ

Прошлым летом группа советских киноартистов поехала в Италию. Я тоже поехала. В дороге мы много пели. Соседи по вагону говорили:

— Весёлый народ эти русские! Всё поют!

Мы не отказывались:

— Что верно, то верно. Народ мы нескучный.

Так, с песнями, мы доехали до столицы Италии — до Рима. Это очень древний город. Но нам некогда было его рассматривать: мы спешили на показ кинофильмов в другой итальянский город — мы спешили в Венецию.

...Быстро мчится электричка «Рим—Венеция». За стеклянными дверями вагонов проплывают горы, долины, оливковые рощи, виноградники... Наконец вот он, вокзал, с надписью: В е н е ц и я.

Нам захотелось пройтись по улицам, чтобы получше разглядеть незнакомый город. Но оказалось, что пешком тут можно ходить не везде. Во многих местах вместо улицы канал, вместо мостовой — вода, а тротуаров зачастую и вовсе нет. Вода плещется у самых стен.

Переводчик нам рассказал:

— Венеция вся построена на островках. Островки, вдобавок, ещё изрезаны каналами. Вот и получился необычный город — город на воде. Хочешь пойти на базар или на работу — садись в лодку и плыви...

Лодки здесь длинные, лёгкие, называются г о н д о л ы. Гребец называется г о н д о л ь е р. Он стоит на корме и ловко управляет одним, слегка изогнутым веслом.

Мы сели в гондолу и поплыли по каналу вдоль старинных домов и дворцов, украшенных колоннами, балконами, затейливыми каменными кружевами.

Над головой было синее небо и солнце, в канале отражалось синее небо и солнце, отражались дворцы, колонны, мосты. Всё было очень красиво. Мы как будто попали в сказку. Чудесный город Венеция!

ПЕСЕНКА ГОНДОЛЬЕРА

Мы плыли в гондоле по Большому каналу. То и дело нас обгоняли другие гондолы: одни попроще, другие понаряднее, с затейливыми навесами, фонариками, фестончиками. В красивых гондолах, развалившись, сидели важные гости — богачи из разных стран.

— Венеция —город туристов, — рассказывал нам переводчик. — Каждое лето сюда съезжаются богатые дельцы из Америки, Англии, Франции. А зимой здесь пусто. Льёт дождь, дует холодный ветер. Недаром среди жителей Венеции много больных ревматизмом и туберкулёзом.

Вдруг раздалась весёлая песня. Пел наш гондольер. Когда он умолк, я спросила:

— Вы пели весёлую песенку, значит, вам весело?

Он усмехнулся и сказал:

— Увы, синьора, мне не до веселья: дома больная жена и голодные дети. А пою я просто в расчёте на то, что богатый турист подкинет одну-две лиры бедному гондольеру.

Он налёг на весло и снова запел. Над каналом неслась весёлая песенка гондольера. Но мне она теперь уже не казалась весёлой.

„ДРУГУ"

Мы остановились в пышной гостинице. Там жило много богачей. Они приехали из разных стран, но все они были похожи друг на друга особым чванством и кичливостью. В магазинах и ресторанах они подзывали служащих унизительным пощёлкиваньем пальцев. К горничным в гостинице они относились с величайшим презрением.

Нам, советским людям, было дико всё это наблюдать. Мне хотелось поговорить

с девушкой, которая убирала каждое утро мою комнату. Однажды я выучила нехитрую фразу по-итальянски, и когда девушка с пылесосом и тряпкой в руках робко вошла в комнату, я повернулась к ней и сказала:

— Как вы поживаете?

Девушка от неожиданности выронила тряпку. Лицо её порозовело. Она выпрямилась и стала что-то горячо говорить.

Я вызвала переводчика, сказала, что по срочному делу. Он помог нам объясниться. Девушка говорила:

— Спасибо русской синьоре!.. Спасибо ей за то, что она дала мне испытать величайшее счастье — счастье почувствовать себя человеком.

Мы подружились. Когда я уезжала, она тайком от хозяина подарила мне букет цветов, а я ей подарила свою фотокарточку с короткой надписью: «Д р у г у».

ВИВА РУССИЯ

Мы побывали на судостроительном заводе. Показали рабочим наши картины. Нет слов передать, с какой радостью нас встречали. Рабочие хлопали нам изо всех сил, кричали:

— Вива Руссия!

Я поднялась на трибуну. Я хотела сказать несколько слов. Но когда увидела дружески улыбающиеся лица, эти с любовью устремлённые на нас чёрные глаза, у меня от волнения перехватило горло и я не могла говорить.

Наконец я справилась с собой и передала привет рабочим Венеции от советских людей. Закончила я словами:

— Да здравствует итальянский народ!

Поднялась буря восторга. Когда мы уезжали, тысячи людей окружили нас. Каждому хотелось пожать руку советского человека. Нам тоже хотелось пожать эти тысячи дружеских рук. И вот, когда мы сели в машину, я высунула руку в окно. Машина тронулась, и моя рука на ходу касалась сотен рук итальянских рабочих, которые стеной стояли вдоль пути и кричали:

— До свиданья... Вива Руссия!

БЕЛЫЙ ГОЛУБЬ

Побывали мы и на знаменитом венецианском стекольном заводе. В цехах очень жарко. Как и сто, как и двести лет назад, стеклодув набирает концом железной трубки немного жидкого стекла и начинает творить чудеса: взмахнёт трубкой — стекло вытянется; взмахнёт ножницами — отрежет лишнее; взмахнёт щипцами — где нужно, вытянет. И вот уже на наших глазах появляется либо чудесный венецианский бокал, либо чаша, либо забавная фигурка из стекла...

Когда мы вошли в цех, рабочие молча продолжали свою работу. Но когда им сказали, что мы русские, сразу всё переменилось. Они окружили нас, стали улыбаться, стали расспрашивать про Москву, про СССР. А на прощанье венецианские стеклодувы подарили нам чудесных маленьких голубей, сделанных из блестящего молочно-белого стекла. Всё было понятно без слов: мы за мир, и они за мир!

Теперь этот белый голубок лежит у меня на столе как память о далёких, но верных друзьях из необычного, на сказку похожего итальянского города Венеции.

НАТАЛЬЯ КОНЧАЛОВСКАЯ

Рис. Ю. КОРОВИНА

Музыкальная страница

Ой, бандура, зазвени
Золотой струною!
Зазвени ты в наши дни
Про свое былое.
Чист и ясен голос твой,
Не найдешь чудесней,
Заливается живой
Украинской песней!
Иль заставит всех вокруг
В пляс пуститься лихо,
Иль печаль припомнит вдруг
Да заплачет тихо...
Ой, бандура ты моя,
Ты живёшь немало,
Расскажи нам, не тая,
Всё, что ты видала.
Довелось тебе звучать
В годы древней славы
И Хмельницкого встречать
Песней величавой.

Про Хмельницкого нам спой,
Гетмана Богдана,
Как повёл он войско в бой
Против польских панов.
Спой на свой высокий лад,
Как слились въедино
Триста лет тому назад
Русь и Украина.
Прозвени своей струной,
Что сама видала,
Как свободною страной
Украина стала.
Спой про степи, про леса,
Про сады густые.
Ой, бандура, ты краса,
Струны золотые!
С незапамятных времён
Ты на Украине,
И под твой весёлый звон
Там поют и ныне!

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

СОН

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

1858 г.

Она на барском поле жала,
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребёнка там.

В тени лежал и плакал он.
Она его распеленала,
Кормила, нянчила, ласкала —
И незаметно впала в сон.

И снится ей житьём довольный
Её Иван... Пригож, богат...
На вольной, кажется, женат —
И потому, что сам уж вольный...

Они с лицом весёлым жнут
На поле собственном пшеницу.
А детки им обед несут...
И тихо улыбнулась жница.

Но тут проснулась... Тяжко ей!
И, спеленав малютку быстро,
Взялась за серп — дожать скорей
Урочный сноп свой до бурмистра.

Перевёл А. Плещеев

* * *

1847 г.

Вишнёвый садик возле хаты,
Хрущи над вишнями снуют.
С плугами пахари идут.
Идут домой, поют дивчата.
А матери их дома ждут.

Семья собралась возле хаты,
Звезда вечерняя встаёт,
И дочка ужин подаёт.
А мать журила б, да
проклятый
Ей соловейко не даёт.

Мать уложила возле хаты
Ребяток маленьких своих,
Сама заснула возле них.
Затихло всё... Одни дивчата
Да соловейко не затих.

Перевёл Н. Ушаков

ЧЕРЕШЕНКИ

ЛЕСЯ УКРАИНКА

1891 г.

Заблестели черешенки
На зелёной ветке.
Смотрят снизу на черешни
Детки-малолетки.

И мальчишки и девчонки
Под деревом скачут,
Тянут к ягодам ручонки
И чуть-чуть не плачут.

Вишни, вишни дразнят око,
Да растут высоко, —
Рук до вишен не дотянешь,
Спелых не достанешь!

— Ой, вишенки-черешенки,
Налились вы соком!
Отчего же вы растёте
На суку высоком?

— Кабы выросли пониже,
Мы бы не поспели.
Кабы выросли поближе,
Нас давно бы съели.

Перевёл С. Маршак

* * *

1887 г.

Лето красное минуло,
Побелело поле;
Детки выглянули в окна, —
Кончилось раздолье!

Скучно детям в тёмной хате.
Спрашивают дети:
— Для чего зима и холод
Созданы на свете?..

Вон всё поле снег засыпал,
Хоть нейди из дому!
Знай, сиди — гляди в окошко
В комнате знакомой.

В снежном поле замерзают
И цветы и мята.
Верно, век зима не минет! —
Плачутся ребята.

Подождите, скоро тёплый
Ветерок повеет,
Снова солнце золотое
Землю отогреет.

И земля зазеленеет
Травами, кустами.
Вновь весна согреет поле,
Уберёт цветами.

Перевела В. Звягинцева

Рис. В. КАМЕНСКОГО

Недалеко от города Свердловска стоит высокий каменный столб. На столбе с одной стороны написано «Европа», а с другой — «Азия».

Мимо столба, по широкой дороге, днём и ночью бегут доверху груженные автомашины. Чуть поодаль мчатся по железной дороге электропоезда, а по небу из Европы в Азию и обратно, из Азии в Европу, летят быстрокрылые самолёты.

Воздушные пассажиры, когда пролетают над этими местами, тянутся к окнам, показывают друг другу вниз на горы, на дымящие заводские трубы, на большие города. И кто-нибудь непременно скажет:

— Урал пролетаем.

А другой непременно добавит:

— Богатый край!

А край уральский и в самом деле сказочно богат.

Чего только нет в недрах Уральских гор! Тут и золото моют, и самоцветные камни находят, тут тяжёлую красную медь плавят в огромных печах, и лёгкий серебристый алюминий получают из руды. Но больше всего на Урале простого железа.

С давних пор льют здесь, на Урале, чугун, куют железо и сталь... И когда шла Великая Отечественная война, с Урала на фронт слали пушки и танки, броню и снаряды...

А сейчас на новые стройки страны и далеко за рубежи нашей Родины шлют с Урала шагающие экскаваторы, могучие подъёмные краны, стальные рельсы для новых дорог, стальные балки для новых домов...

Но не одними подземными богатствами славится Урал. На берегах уральских рек лесорубы валят могучие кедры и лиственницы, сосны и ели, сплавляют миллионы брёвен на заводы. А леса на склонах Уральских гор шумят попрежнему, будто и не трогал их человек. И попрежнему из глубины уральской тайги приносят охотники тысячи драгоценных шкурок пушного зверя.

А где нет леса, там на Урале зреют богатые урожаи колхозной пшеницы, пасутся на зелёных пастбищах колхозные стада. Оттуда шлют колхозники на заводы рабочим молоко и мясо, хлеб и овощи, тонкую шерсть для дорогих материй и толстую кожу для прочной обуви...

Вот какой богатый край Урал!

Но самое главное богатство Урала — это уральский народ: умелый в труде, стойкий в бою.

Любят уральцы свои места. А ребята уральские, те, как выберут свободное время, скорее собираются то на завод, то в горы, то в лес, то на рудник — получше узнать, своими глазами посмотреть свой родной любимый край.

А посмотреть на Урале есть что и поучиться есть чему!

Ястребок

ВИЛИС ЛАЦИС

Рис. П. КАРАЧЕНЦОВА

События, описанные в рассказе «Ястребок», относятся к периоду, когда в Латвии ещё не было советской власти. Тяжела тогда была жизнь латышских рыбаков и их детей. За свой опасный труд рыбаки получали жалкие гроши, а купцы и предприниматели богатели за их счёт.

Совсем иной — счастливой, радостной и зажиточной — стала жизнь латышских рыбаков теперь, при советской власти. Государство обеспечивает рыбаков сетями и неводами, предоставляет в их распоряжение мощный рыболовецкий флот — мотоботы, траулеры; рыбаки получают хорошую оплату за свой улов. Дети рыбаков учатся в техникумах, институтах и университетах, им в жизни открыты все дороги.

Маленький Янис, Ястребок, о котором говорится в рассказе, не мог и мечтать о таком детстве. Ему приходилось жить в других, суровых и мрачных, условиях. Теперь, конечно, он вырос большой и тоже живёт счастливо, как все советские рыбаки, но он не может забыть своего тяжёлого детства, да и не надо этого забывать.

Ястребок был не птенцом, а обыкновенным мальчуганом, с маленькими бойкими ножонками, вечно перепачканным лицом и мягкими, светлыми, как лён, волосами. Весной ему исполнилось пять лет, и это был уже довольно значительный возраст. По правде его звали Янисом, а вовсе не Ястребком, — это отец прозвал его так.

Вернувшись с моря домой и сняв тяжёлые рыбацкие сапоги, он каждый раз сажал на минутку сына к себе на колени, которые пахли рыбой и водорослями, так же как руки и сапоги. Точно так же пахли сети, чёрная рыбачья лодка и их комната.

— Ну, Ястребок, чем ты сегодня занимался? — спрашивал отец, покачивая его на колене.

А иногда отец шутливо задавал вопрос: чей он, Ястребок? Тогда Янис смущённо прятал лицо отцу за пазуху и тихонько шептал:

— Тятин Ястребок...

И оба весело смеялись. Отец улыбался, гладил своей большой красной рукой голову Ястребка и спускал его на пол.

Удивительное дело, как эта большая, огрубевшая от солёной воды рука легко умела гладить! Когда в волосах Ястребка запутывались мусоринки, эти неуклюжие, набухшие пальцы вынимали их так осторожно, что это было совсем не больно.

В общем, они жили дружно. Да это и понятно: ведь их было только двое в маленькой лачужке на дюнах. Раньше когда-то здесь был и третий человек. Это была мать Ястребка. Отец помнит об этом, но Ястребок забыл. Он даже не знал, плохо это или хорошо, что у него нет матери. Но ведь у него был отец — большой настоящий друг, который качал его на коленях, а иногда на спине уносил домой с берега. Он был очень сильный: Ястребок видел, как отец сам спихивал в море тяжёлую рыбачью лодку. Другие этого не могли.

Если отец уходил в море надолго (чаще всего это случалось весной), то отводил Ястребка в посёлок к тёте Анне, и он должен был оставаться там ночевать. Там были ещё и другие мальчики и девочки, и тётя Анна всегда хорошо относилась к Ястребку, — может быть, даже лучше, чем к другим. Но Ястребку дома больше нравилось, хотя там у него был лишь один товарищ игр — серый кот Минка. Зато и потеха же была с ним! Ястребку стоило только привязать к верёвочке деревяшку и побежать по комнате, чтобы деревяшка тянулась по полу. Как Минка прыгал! Как, притаившись в углу, наблюдал за деревяшкой, как сверкали его зелёные глаза, а хвост сердито колотил пол, пока, наконец, подобравшись, Минка делал огромный прыжок! Глупый Минка! Он, наверно, думал, что деревяшка живая. Но в основном это был добрый кот, весёлый и терпеливый.

Минка был умный, почти как человек. Вечерами, когда отец должен был вернуться с моря, он вместе с Ястребком отправлялся на берег и ждал рыбаков. А когда рыбаки выходили на берег, он, тихо мяукая, вертелся около отца, выгибал горбом спину и держал хвост трубой. Он ведь знал, что этот человек никогда не возвращался с пустыми руками и какая-нибудь рыбёшка всегда припасена и для него. Жизнь была хорошей и весёлой.

Ещё веселее было, когда в солнечные летние дни чинили высушенные на дюнах сети. Ястребок строил домики из песка, а отец ловко продевал игличку сквозь петли сетей, латая рваные петли. Иногда он откладывал игличку в сторону и садился на песок рядом с Ястребком.

— Ну, Ястребок, что это ты строишь?— спрашивал он. И тогда Ястребок рассказывал ему, что маленький песчаный холмик — его дом, а большой — лавка. Но он построит домик ещё и для Минки.

Часто отец задумчиво смотрел на море и, посадив Ястребка рядом с собой, показывал вдаль, где водное пространство сливалось с небосводом:

— А ты знаешь, что там, за небосводом?

Нет, Ястребок этого не знал, но он хотел бы узнать. Тогда отец обнимал его за плечи и легонечко прижимал к себе:

— Когда-нибудь, когда у моего Ястребка вырастут крылья, он улетит туда и посмотрит. А потом он прилетит обратно и расскажет отцу о том, что видел...

Вот так они и жили. Возможно, у других была лучшая, более весёлая жизнь, возможно и нет, — Ястребок этого не знал. Ему и так было хорошо, и, кажется, отцу тоже, и Минке... всем троим.

...Наступила осень. По временам дул сильный ветер, и волны устремлялись на берег так далеко, что лодки приходилось втаскивать на дюны. Ястребок больше не мог бегать по берегу и собирать пёстрые ракушки, а Минка, этот важный барин, больше всего на свете боявшийся замочить свои белые сапожки, ближе чем до высокой дюны к морю не подходил. В такие дни отец никогда не выходил в море.

Но вот как-то до полудня погода была спокойной и небо ясным, только на далёком горизонте разрасталось рыхлое перистое облако. К отцу пришёл товарищ. Они говорили о том, что надо бы закинуть высушенные вчера сети, — прошлой ночью у других был хороший улов стремиги. Они сняли сети с кольев и сложили в лодку якоря. Перед отъездом отец отвёл Ястребка домой, намазал салом большой ломоть хлеба и положил в кухонный шкафчик.

— Захочешь есть, открой шкафчик, хлеб здесь будет, — сказал он. — А пока поиграй с Минкой и на берег не выходи. Я скоро вернусь.

Потом он ушёл. Ястребок видел в окно, как лодка вышла в море; она становилась всё меньше и меньше, пока не исчезла совсем. Больше смотреть было нечего. Ястребок поискал верёвочку с деревяшкой и начал играть с Минкой.

Довольно долго носились они по комнате. Когда оба устали, Ястребок вскарабкался на стул и посмотрел через кухонное окно на море: может быть, отец уже пристаёт к берегу?.. Но лодки не было видно. Море стало серовато-чёрным, и огромные гривастые волны бились о берег. На дюнах с шипеньем и свистом носился песок, а уродливые сосенки так наклонялись к земле, будто их качала невидимая рука. Ястребок знал, что это нехорошо: если сосны так раскачиваются, тогда бывает буря, грозная погода, как говорил отец, и рыбаки должны оставаться на берегу. Он знал также, что в такую погоду выехавшие в море рыбаки спешат вернуться на берег. Значит, отец скоро должен быть дома. Но он не возвращался.

На дворе уже стемнело, горизонт нельзя было отличить от морской воды, ветер завывал всё сильнее, так что начала даже дрожать крыша лачуги.

Ястребок нахлобучил на голову шапку и, как был, в рубашке, не надев пальтишко, вышел наружу. Кот, не ожидая приглашения, засеменил рядом.

Они продвигались вперёд совсем медленно, потому что ветер дул прямо в лицо и чуть не валил с ног. Нет, отцовской лодки на берегу не было. Не видно её было и в море. Бушующее водное пространство было таким тёмным, что невозможно было разглядеть горизонта. Но ведь отец скоро должен вернуться. Что ему так долго делать в море? Если бы он ушёл на дальний лов, то отвёл бы Ястребка к тёте Анне. Но он этого не сделал. Значит, вернётся... сегодня же вечером.

Ястребок сел на скамеечку для сетей. Солнце зашло. Кое-где, в просветах между облаками, замерцали бледные звёзды. Началась ранняя осенняя ночь, а Ястребок всё сидел и смотрел на море, чёрное, как дёготь. Он прислушивался, не раздастся ли между порывами бури стук вёсел, но этого, вероятно, нельзя расслышать — ветер завывал слишком громко. Ястребку не хотелось возвращаться домой: там теперь темно и некому зажечь свет.

Тихо, будто о чём-то спрашивая, мяукнул Минка, прижавшись боком к ноге Ястребка. Мяукнул второй раз и, не дождавшись ответа, медленно побрёл домой. Минке надоело ждать. Пусть себе идёт — вот и не получит рыбы, но Ястребок подождёт, пока вернётся отец. Он возьмёт его на руки и отнесёт домой. Почему только он до сих пор не едет? Может быть, он уехал далеко, за небосвод, посмотреть, что там такое? Вот когда он сможет рассказать много чудесных вещей! Ястребку тоже хотелось бы посмотреть на ту сторону небосвода, но он ещё мал, надо подождать, пока вырастут крылья.

Ветер свистит и воет, в темноте шумит бушующее море. За дюной стоит лачуга — тёмная и холодная. Никто не идёт звать Ястребка домой, да и некому звать. Он сидит и сидит, болтает под скамейкой продрогшими ножками и смотрит в сторону моря. Но там никого нет. Между облаками показался серебряный лик луны, бледное сияние скользнуло по поверхности воды, и теперь море такое чёрное, каким ещё никогда не было. А на берегу сидит попрежнему одинокий мальчик и ждёт, его глаза всматриваются в темноокое лицо ночи. Он ещё ждёт — маленький Ястребок...

Тятин Ястребок...

Перевела с латышского Д. Кимелис

И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ
Рис. В. БЕЛЫШЕВА

ВЕСНА

Над полями и лесом всё ярче и ярче светит солнышко.

Потемнели в полях дороги, посинел на реке лёд. Прилетели белоносые грачи, торопятся поправлять свои старые растрёпанные гнёзда.

Зазвенели по скатам ручьи. Надулись на деревьях смолистые пахучие почки.

Увидели ребята у скворешен первых скворцов. Весело, радостно закричали:

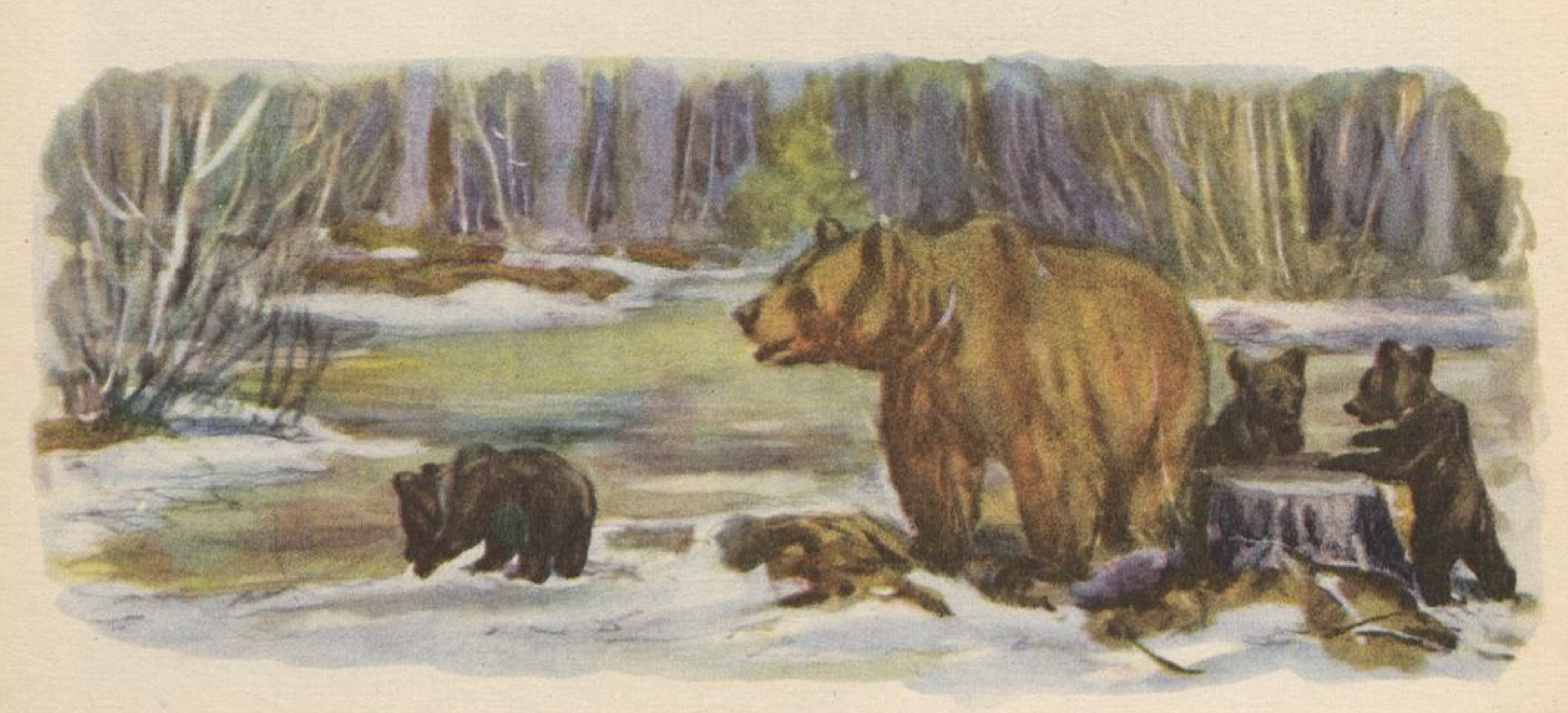
— Скворцы! Скворцы прилетели!

Выбежал на опушку заяц-беляк; присел на пенёк, огляделся. Ушки на макушке у робкого зайца. Смотрит заяц-беляк: вышел на опушку леса огромный лось с бородою. Остановился, слушает лось...

А в глухом лесу вывела медведица родившихся в берлоге маленьких медвежат на первую прогулку. Ещё не видели медвежата весны, не знают большого тёмного леса. Не знают, чем пахнет пробудившаяся земля.

На поляне, у лесного разлившегося ручейка весело играют смешные, неуклюжие медвежата. Со страхом заглядывают в холодную бегучую воду, взбираются на пни и оттаявшие на солнце старые коряги...

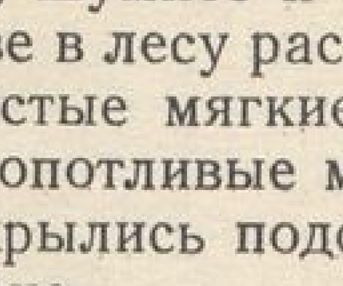
Стройными косяками летят, тянут с юга гуси; показались первые журавли.

— Гуси, гуси! Журавли! — кричат, задрав головы, ребята.

Вот закружились над широкой рекой гуси, спустились отдохнуть на наполненную водой полынью.

Увидели отдыхающих на льду гусей другие пролетавшие гуси, стали подсаживаться к ним. Обрадовались товарищам другие гуси. Громко-громко загоготали. Далеко над рекою покатился радостный крик...

Всё теплее, шумнее и краше весна.

На пригреве в лесу распустились на веточках ивы шелковистые мягкие пуховки. Побежали по кочкам хлопотливые муравьи. А над полянкой, где раскрылись подснежники, вспорхнула первая бабочка.

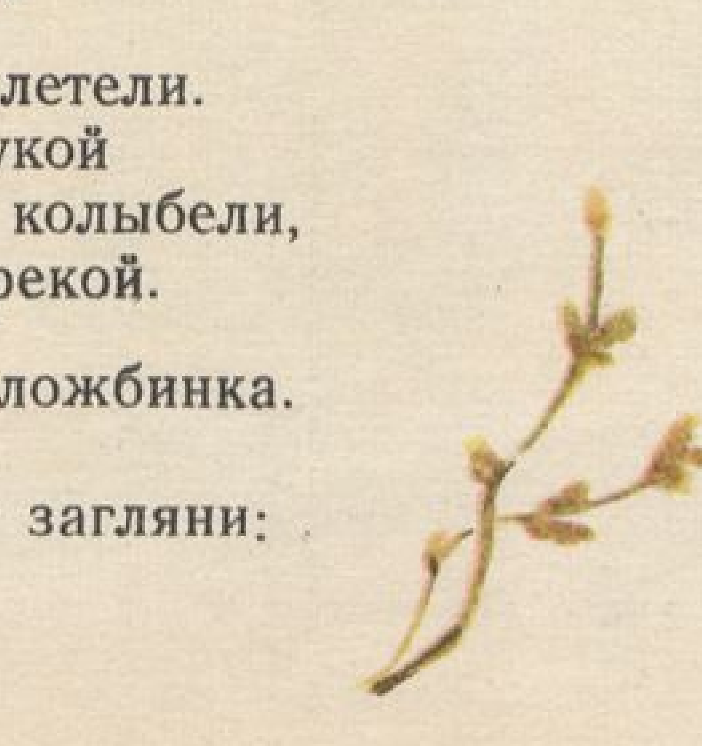
АПРЕЛЬ

ЯКОВ КОЗЛОВСКИЙ

В саду, за рамою оконной,
Встречая солнечный денёк,
Из почки выпорхнул зелёный
Неугасимый огонёк.

Ватаги птичьи прилетели.
И ветер тёплою рукой
Их гнёзда, словно колыбели,
Качает в роще за рекой.

Водой наполнена ложбинка.
Мой друг,
под ёлку загляни:
Там, как последняя снежинка,
Подснежник прячется в тени.

А над канавою мальчишка,
Спустив в ручей бумажный флот,
Бежит за «флагманом»
вприпрыжку
И сам гудит, как пароход.

И улыбается прохожий,
Чему-то радуясь в пути...
Стоит денёк такой погожий —
Домой не хочется итти!

Птенцы-хитрецы

Н. СЛАДКОВ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

Жил я в лесу. Совсем один.

Скучно одному. «Вот бы, — думаю, — щеночка себе завести. Весёлого, ласкового. Учил бы его уму-разуму, — скуки бы и не было».

Но в лесу щенков нет. Собрался я в деревню. А дорога туда была не близкая.

Вышел я из лесу, пошёл полем. Шёл-шёл, — устал. Присел отдохнуть.

ГОВОРЯЩИЕ ЯИЧКИ

Хорошо летом в поле! Кругом рожь шелестит.

Вдруг слышу: будто пищит кто-то тихонько во ржи...

Раздвинул колосья, а там — целое лукошко яиц!

Лукошка-то, правду сказать, никакого нет: прямо на земле яйца лежат, в ямке. И много их: двадцать штук я насчитал.

Лежат и — вот чудеса! — переговариваются.

— Пик! — скажет одно яичко.

— Пик-пик-пик! — отвечают другие.

Осторожненько взял я одно яйцо и приложил к уху.

— Пи-ик! — испугалось яичко. Потом что-то ворохнулось в нём, тюкнуло изнутри в скорлупку — и притихло.

Ясно: в яйце цыплёночек! Вот-вот выклюнется. Я знал, что это гнездо красивой полевой курочки — серой куропатки. Куропатка-мама куда-то пропала. Может быть, ушла надолго. А может быть, и совсем не вернётся: ястреб её скогтил или хорёк поймал. Птенчики и волнуются. Пищат. Чувствуют, наверно, что пропадут без мамы-то.

Положил я обратно яйцо. Задумался. Верно ведь: выклюнутся — непременно пропадут одни, без матери. Сколько кругом врагов-то!

Надумал: никакого мне щеночка не надо! Сбегаю в лес, домой, и принесу корзиночку, сложу в неё яйца. Будет у меня двадцать цыплят — жёлтеньких, хорошеньких. Кормить их буду, уму-разуму учить. Какая уж скука с ними!

— Пик! — пискнуло в одном яйце.

— Пик-пик-пик-пик! — тревожно отозвалось в других.

Боятся одни-то! Надо спешить.

— Не пищите! — крикнул я им. — Живо вернусь, заберу вас к себе домой.

И побежал домой за корзиночкой.

ЯИЧКО НА НОЖКАХ

Прибегаю назад — нет в ямке яиц, одни пустые скорлупки лежат!

А изо ржи с треском и шумом вырвалась вдруг красивая курочка: серенькая, а на груди шоколадная подковка; взлетела, пала на тропинку и побежала по ней, волоча по земле крылья.

— Знаю я вас! — крикнул я ей. — Не обманешь!

Это была куропатка-мама: куропатки всегда так притворяются, чтобы отвести человека подальше от своих птенчиков.

— Очень рад, что тебя никто не съел. А одного твоего сынка я всё-таки возьму. У тебя вон их сколько, а я в лесу один.

Посмотрел себе под ноги. Птенцов я не увидел, а увидел одно яичко, ещё целое.

Я нагнулся, чтобы взять его. Но яичко вдруг вскочило на ножки и побежало. Я руку отдёрнул от неожиданности.

Потом кинулся его ловить. Схватил — в руке у меня хрустнула скорлупка. А из-под скорлупки выскочил птенец, шмыгнул в рожь и пропал.

Это половина скорлупки прилипла к влажному пуху птенчика. Куропатка-мама ещё не успела склюнуть её с сынка, — он так и бегал со скорлупкой на спине. И хоть прямо из яйца, а ловко бегал: в руки не дался.

«Ну, этим птенчикам я не нужен! — решил я. — Боевые ребята. Пойду-ка к себе в лес: там, наверно, найдутся беспризорные птенчики, которые могут пропасть без моей помощи. Пойду помогу им.

ПОД ШАПКОЙ-НЕВИДИМКОЙ

В сухом ельничке с муравьиной кучей свечой взлетел рябчик, и во все стороны с кучи, как шарики, покатились крошечные рябчата. Они были в пуху и летать ещё не могли.

У меня глаза разбежались: кого ловить? Кинулся за одним, кинулся за другим, в третьего шапкой бросил — и всех упустил!

Рябчата затаились — будто шапки-невидимки надели.

«Ладно, — думаю, —ваше счастье, что вы так хорошо умеете прятаться!» — и пошёл поднимать свою шапку.

Глядь, а под ней два рябчика лежат рядышком!

К земле прижались, глазёнки зажмурили, будто они и в самом деле под шапкой-невидимкой.

Я их — цап!

Держу в руках и думаю: «А остальных как найду? Давай-ка я этих двух к тем подпущу: они побегут прятаться к своим — и покажут мне, где они».

Выпустил одного. Он ножками чик-чик-чик! — отбежал, к земле припал и листиком сухим накрылся, будто его тут и не было! Рукой случайно не тронешь — ни за что не найдёшь! И других рябчиков рядом не видно...

Выпустил и второго. Думаю: «Может, этот покажет?»

А он даже и не побежал. Тут же припал к земле и пропал: не то земли комок, не то коры кусок.

Я понял: значит, и остальные так спрятались. Такой пушок у них — з а щ и т н о г о - цвета. Выходит, не шапка у них, а вся одёжка н е в и д и м к а!

Что тут делать? Комочков да листочков вокруг меня не счесть сколько. Всех их руками не перещупаешь! Хотел я уж домой уйти, да испугался. Эдак-то, не видя, я всех рябчат сапогами подавлю... Как тут быть?

Присел я на пенёк. Разулся. Потом осторожно опустился на колени, ладонью впереди себя пощупал, каждый листочек перевернул пальцами...

Немножко вперёд передвинулся — опять пощупал.

Да так до ельничка и шёл — на четвереньках.

Дополз до поляны, там стал на ноги.

«Ну, — думаю, — ни полевым, ни лесным птенчикам я не нужен. Эти и без меня проживут. Пойду у озера гнёзда поищу, вон под горой вода виднеется».

НЫРЕЦ-ПОДВОДНИК

Спустился с горки, пошёл по берегу, смотрю — в воде на кочке чомгино гнездо. В гнезде пустые скорлупки и один птенчик.

Птенчик совсем маленький, не может ни стоять, ни сидеть: лежит себе на пузечке, вытянув вперёд тонкую шейку и беспомощно растопырив лапки. «Уж живой ли он?» — подумал я и перевернул его пальцем на спину. Малыш засучил ножками, силясь перевернуться на живот.

— Какой же ты беспомощный! — сказал я ему. — Такой мне и нужен — возьму тебя на обучение.

Но тут птенчик перевернулся, скатился на край гнезда — и бульк в воду! Как камешек, только круги пошли!

Я живо раздвинул траву и, прикрыв глаза рукой от яркого блеска воды, заглянул в глубину. Там я увидел птенца.

Он держался под водой носом за камышину и не двигался.

Я сунул руку на дно, чтобы скорей подхватить и спасти его. Но птенец вдруг оттолкнулся от камышины и быстро поплыл под водой, работая лапками, как пароход винтом. Птичёнок как ни в чём не бывало мчал под водой! Удирал от меня!

Проплыл до того места, где стеной стоял камыш, и выскочил так, как пузырёк из воды. А навстречу ему из камыша чомга-мама. За ней чомчата, мал мала меньше.

«Вот это, — думаю себе, — малыш так малыш! Нырец-подводник. Ещё ходить не умеет, стоять не умеет, ползать не может, а нырять и плавать — пожалуйста!»

Семейство чомг скрылось у меня из глаз в густых камышах. А я пошёл дальше по берегу озера.

ЧУР-ЧУРА

Шагаю да шагаю. Вдруг вижу — далеко впереди поднялся с кочки большой журавль и, как-то смешно пригнувшись, убежал в кусты.

Я сразу сообразил, что это журавлиха и что на той кочке у неё гнездо.

Подошёл к кочке — верно: в кочке углубление, и в нём на подстилочке из травы лежат два большущих пятнистых яйца, каждое с мою ладонь. Одно целое, а другое с дыркой наверху. И рядом лежит толстая скорлупка: птенец, видно, сию минуту только сделал себе в яйце окошко.

Я так и замер на месте.

Вдруг из окошка высунулась взъерошенная головёнка на длинной шее. Журавлёнок!

Я наклонился к нему. Моя тень накрыла гнездо. И вдруг — нырк! — журавлёнок исчез в яйце. В гнезде попрежнему лежали два очень крупных яйца — одно целое, другое с дыркой в скорлупе.

— Вот это здорово! — удивился я. — Не успел ещё на свет родиться, а уж в прятки играет! Чур-чура! Я дома!

Вспомнились мне тут говорящие яички серой куропатки, и я подумал:

«А может, они тогда не со страху пищали, а между собой сговаривались, как от меня ловчее удрать? Видно, птичата, ещё не родясь на свет, мастера в прятки играть. А я их уму-разуму учить собрался!»

Бросил я корзиночку и пошёл в деревню — щеночка доставать.

Щенок ни прятаться не умеет, ни плавать. Вот и буду его учить.

К. ЧУКОВСКИЙ

МУХА ЦОКОТУХА

Рис. В. КОНАШЕВИЧА

... Пошла Муха на базар
И купила самовар:
„Приходите, тараканы,
Я вас чаем угощу!“

Тараканы прибегали,
Все стаканы выпивали,

А букашки
По три чашки
С молоком
И крендельком:
Нынче Муха Цокотуха
Именинница.

Приходили к Мухе блошки,
Приносили ей сапожки,
А сапожки не простые —
В них застёжки золотые.

Приходила к Мухе
Бабушка Пчела,

Мухе Цокотухе
Мёду принесла...

„Бабочка-красавица,
Кушайте варенье!
Или вам не нравится
Наше угощенье?“

На обложке — рисунок А. Пластова

Год издания тридцатый **Цена 1 руб.** Изд-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Адрес редакции: Москва, Сущёвская ул., 21. Тел. Д 1-15-00, доб. 1-06. А01445 Подп. к печ. 27/II 1954 г.
2,8 уч.-изд. л. Бумага 60×92¹/₈=1,5 бум. л.=3 печ. л. Тираж 600 000 экз. Заказ 323

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, Сущёвская, 21.

